

Пасхальная книга

для детей

Рассказы и стихи
русских писателей и поэтов

Художник Диана Лапшина

Москва · «Никея» · 2020

Христос воскрес!

Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит.
Заря глядит уже с небес...
Христос воскрес! Христос воскрес!

С полей уж снят покров снегов,
И реки рвутся из оков,
И зеленеет ближний лес...
Христос воскрес! Христос воскрес!

Вот просыпается земля,
И одеваются поля,
Весна идёт, полна чудес!
Христос воскрес! Христос воскрес!

Аполлон Майков

***

Как солнце блещет ярко,
Как неба глубь светла,
Как весело и громко
Гудят колокола!
Немолчно в Божьих храмах
Поют «Христос воскрес!»,
И звуки дивной песни
Доходят до небес.

Алексей Плещеев

Христос воскрес

Христос воскрес, и ад Им побеждён.
Христос воскрес, и мир Им искуплён.
Христос воскрес, и ангелы ликуют.
Христос воскрес, и люди торжествуют.
Христос воскрес, и рай открыт для нас.
Христос воскрес, и сила ада пала.
Христос воскрес, и стерто смерти жало.
Христос воскрес и мир от муки спас.

Олег Осипов

Псалом 148

Хвалите Господа небес,
Хвалите, все небесные силы;
Хвалите, все Его светила,
Исполнены Его чудес.
Да хвалят свет Его и день;
Земля и воздух, огонь и воды;
Да хвалят рыб различны роды,
Пучины, бездны, мрак и тень.

Да хвалят холмы и древа;
Да хвалят звери, горы, птицы,
Цари, владыки, сильных лица,
И всяка плоть, что Им жива,
Да хвалят своего Творца;
Да хвалит всякое дыханье;
Он милует Своё создание,
И нет щедрот Его конца.

Ипполит Богданович

***

Земля и солнце,
Поля и лес —
Все славят Бога:
Христос воскрес!
В улыбке синих
Живых небес
Все та же радость:
Христос воскрес!
Вражда исчезла,
И страх исчез.
Нет больше злобы —
Христос воскрес!
Как дивны звуки
Святых словес,
В которых слышно:
Христос воскрес!
Земля и солнце,
Поля и лес —
Все славят Бога:
Христос воскрес!

Лидия Чарская

Антон Чехов На Страстной неделе

— Иди, уже звонят. Да смотри не шали в церкви, а то Бог накажет.

Мать суёт мне на расходы несколько медных монет и тотчас же, забыв про меня, бежит с остывшим утюгом в кухню. Я отлично знаю, что после исповеди мне не дадут ни есть, ни пить, а потому, прежде чем выйти из дому, насильно съедаю краюху белого хлеба, выпиваю два стакана воды. На улице совсем весна. Мостовые покрыты бурым месивом, на котором уже начинают обозначаться будущие тропинки; крыши и тротуары сухи; под заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нежная, молодая зелень. В канавах, весело журча и пенясь, бежит грязная вода, в которой не брезгают купаться солнечные лучи. Щепочки, соломинки, скорлупа подсолнухов быстро несутся по воде, кружатся и цепляются за грязную пену. Куда, куда плывут эти щепочки? Очень возможно, что из канавы попадут они в реку, из реки в море, из моря в океан... Я хочу вообразить себе этот длинный, страшный путь, но моя фантазия обрывается, не дойдя до моря.

Проезжает извозчик. Он чмокает, дёргает вожжи и не видит, что на задке его пролётки повисли два уличных мальчика. Я хочу присоединиться к ним, но вспоминаю про

исповедь, и мальчишки начинают казаться мне величайшими грешниками.

«На Страшном суде их спросят: зачем вы шалили и обманывали бедного извозчика? — думаю я. — Они начнут оправдываться, но нечистые духи схватят их и потащат в огонь вечный. Но если они будут слушаться родителей и подавать нищим по копейке или по бублику, то Бог сжалятся над ними и пустит их в рай».

Церковная паперть суха и залита солнечным светом. На ней ни души. Нерешительно я открываю дверь и вхожу в церковь. Тут в сумерках, которые кажутся мне густыми и мрачными, как никогда, мною овладевает сознание греховности и ничтожества. Прежде всего бросаются в глаза большое Распятие и по сторонам его Божия Мать и Иоанн Богослов. Паникадила и ставники одеты в чёрные, траурные чехлы, лампадки мерцают тускло и робко, а солнце как будто умышленно минует церковные окна. Богородица и любимый ученик Иисуса Христа, изображённые в профиль, молча глядят на невыносимые страдания и не замечают моего присутствия; я чувствую, что для них я чужой, лишний, незаметный, что не могу помочь им ни словом, ни делом, что я отвратительный, бесчестный мальчишка, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всех людей, каких только я знаю, и все они представляются мне мелкими, глупыми, злыми и неспособными хотя бы на одну каплю уменьшить то страшное горе, которое я теперь вижу; церковные сумерки делаются гуще и мрачнее, и Божия Мать с Иоанном Богословом кажутся мне одинокими.

За свечным шкафом стоит Прокофий Игнатьич, старый отставной солдат, помощник церковного старосты. Подняв

брови и поглаживая бороду, он объясняет полущёпотом какой-то старухе:

— Утренняя будет сегодня с вечера, сейчас же после вечерни. А завтра к часам ударят в восьмом часу. Поняла? В восьмом.

А между двух широких колонн направо, там, где начинается придел Варвары великомученицы, возле ширмы, ожидая очереди, стоят исповедники... Тут же и Митька, оборванный, некрасиво остриженный мальчик с оттопыренными ушами и маленькими, очень злыми глазами. Это сын вдовы подёнщицы Настасьи, забияка, разбойник, хватающий с лотков у торговок яблоки и не раз отнимавший у меня бабки. Он сердито оглядывает меня и, мне кажется, злорадствует, что не я, а он первый пойдёт за ширму. Во мне закипает злоба, я стараюсь не глядеть на него и в глубине души досаую на то, что этому мальчишке простятся сейчас грехи.

Впереди него стоит роскошно одетая красивая дама в шляпке с белым пером. Она заметно волнуется, напряжённо ждёт, и одна щека у неё от волнения лихорадочно зарумянилась.

Жду я пять минут, десять... Из-за ширм выходит прилично одетый молодой человек с длинной, тощей шеей и в высоких резиновых калошах; начинаю мечтать о том, как я вырасту большой и как куплю себе такие же калоши, непременно куплю! Дама вздрагивает и идёт за ширмы. Её очередь.

В щёлку между двумя половинками ширмы видно, как дама подходит к аналою и делает земной поклон, затем поднимается и, не глядя на священника, в ожидании поникает головой. Священник стоит спиной к ширмам, а потому

я вижу только его седые кудрявые волосы, цепочку от наперсного креста и широкую спину. А лица не видно. Вздыхнув и не глядя на даму, он начинает говорить быстро, покачивая головой, то возвышая, то понижая свой шёпот. Дама слушает покорно, как виноватая, коротко отвечает и глядит в землю.

«Чем она грешна? — думаю я, благоговейно посматривая на её кроткое красивое лицо. — Боже, прости ей грехи! Пошли ей счастье!»

Но вот священник покрывает её голову епитрахилью.

— И аз, недостойный иерей... — слышится его голос... — властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих...

Дама делает земной поклон, целует крест и идёт назад. Уже обе щеки её румяны, но лицо спокойно, ясно, весело.

«Она теперь счастлива, — думаю я, глядя то на неё, то на священника, простившего ей грехи. — Но как должен быть счастлив человек, которому дано право прощать».

Теперь очередь Митьки, но во мне вдруг вскипает чувство ненависти к этому разбойнику, я хочу пройти за ширму раньше его, я хочу быть первым... Заметив моё движение, он бьёт меня свечой по голове, я отвечаю ему тем же, и полминуты слышится пыхтение и такие звуки, как будто кто-то ломает свечи... Нас разнимают. Мой враг робко подходит к аналою, не сгибая колен, кланяется в землю, но, что дальше, я не вижу; от мысли, что сейчас после Митьки будет моя очередь, в глазах у меня начинают мешаться и расплываться предметы; оттопыренные уши Митьки растут и сливаются с тёмным затылком, священник колеблется, пол кажется волнистым...

Раздаётся голос священника: